

— Проблема не выглядела бы столь острой, если бы характер и качество труда различных людей в обществе выравнивались. Тогда не было бы существенной разницы между распределениями "по труду" и "в порядке общей очереди". Это и предвещает научный коммунизм своими положениями о "стирании различий между умственным трудом и физическим, между городом и деревней", причём доводами в пользу этого "стирания" приводят растущую механизацию и автоматизацию производства, в том числе и сельскохозяйственного, рост общего уровня образованности населения.

— Однако облегчение физического труда отнюдь не означает его превращения в труд умственный. В труде рабочего современного предприятия массового производства почти полностью исключён творческий элемент, он жёстко регламентирован технологией, совершенствовать которую - дело не рабочего, и даже не инженера, а учёного-технолога, учёного-конструктора. От кустика-ремесленника прошлого века зачастую требовалось больше изобретательности и умения, чем от современного промышленного рабочего.

— Техника проникает в наш быт, освобождает наши руки от физических усилий, но она же облегчает и наши мыслительные напряжения. Нажимать на кнопки в последовательности, указанной в инструкции, висящей перед тобой, не есть умственный труд. В то же время создание новой техники и технологии, начиная от идеи и кончая организацией производства, требует всё больших и всё более сложных знаний, которые абсолютно не нужны для владения этой техникой. Труднее ли бабке под 80 лет научиться пользоваться современными бытовыми приборами, чем современной девушке научиться прясть, ткать и вообще рукодельничать?

— Так что говорить следует не о различии между умственным и физическим трудом, а о различии между трудом творческим и нетворческим, механическим, которое не только не стирается, а, наоборот, углубляется.

— Но ведь ещё и сам человек, личность, его способности определяют характер и качество труда. Равенство людей по их дееспособности исключено, и от этой несправедливости природы никуда не денешься. Человек сам стремится усугубить это неравенство, выставляя труд главным мериллом человеческой ценности и поощряя в способном ещё и трудолюбие, усиливая тем самым его выделенность из других.

— Дурной фантазией представляется общество, в котором все равны и завалены изобилием всего, чего угодно. Куда же развиваться такому обществу, что будет им двигать? Странная остановка в учении, называющем себя диалектическим.

— И много ещё такого рода вопросов обсуждалось в наших беседах. Очень важным, например, Слава считал вопрос о праве наций на самоопределение. Будучи последовательным сторонником этого права, Слава считал, что все советские республики, а если угодно и края, области должны сначала отделиться, чтобы, удовлетворив свои национальные или региональные интересы и насытившись самостоятельностью, затем уже объединиться в любых сочетаниях в той мере и на той основе, на какой сочтут необходимым.

— Со всех сторон обсуждался вопрос о членстве в КПСС. Для нас лично вступление в ряды достойнейших было бы несомненно аморальным поступком, и лишь один из нас впоследствии совершил-таки его. Мы отвергали марксизм в его официально узаконенном виде и, соответственно, не могли разделять программу и устав КПСС. Среди немногочисленных в нашей среде членов КПСС нашего примерно возраста и уровня образования встречались такие (Лёня Лазутин, например), которые не принимая во многом политику КПСС, считали тем не менее необходимым вступать в её ряды, мотивируя это невозможностью бороться с недостатками вне рядов, необходимостью подрывать или исправлять изнутри, так сказать. Такая мотивировка представлялась сомнительной: бороться с линией партии в рамках её устава ничуть не легче, чем вне партии. Нам такие "борцы" не встречались, ни тогда, ни позже. Реальные же блага, извлекаемые из членства

в КПСС, и прежде всего существенное облегчение доступа к руководящим должностям - сияли у всех на виду.

— Тот же Лазутин, Распопов, увы, затем и Чмырёв - явно просто прельстились этими благами, мечтали о карьере и меньше всего были движимы идеями какой-либо борьбы с какими-либо недостатками. Любой честолюбивый карьерист, обуреваемый жадой не столько денег, сколько власти, привилегий (хотя бы доступ к обкомовскому буфету, не говоря уже о чёрной "Волге") должен смолodu ставить себе первой целью у нас в стране - вступить в партию. Уже сама возможность оказаться в одной кампании с ними вызывала у нас содрогание. Конечно, в рядах КПСС были не только одни карьеристы, особенно среди людей старшего, военного поколения. Многие из них вступали в партию на фронте, что требовало и искренней веры в идею и большого мужества, но их политические взгляды к середине 60-х годов выглядели архаичными и ограниченными (мой отец, дядя Серёжа Мороз).

— В целом ситуацию с членством КПСС блестяще резюмировал Юра Мальцев: "В Советском Союзе в одном человеке несовместимы три качества: умный, честный, коммунист. Либо ты умный, честный, но тогда не коммунист. Либо ты честный, коммунист, но не умный. Либо ты умный, коммунист, но не честный. Других вариантов не бывает и быть не может."

— Действительно, соглашаться с программой и политикой КПСС - не умно, а не соглашаться и быть в рядах - нечестно.

— В это же время я покончил со своим членством в комсомоле. Получив на руки диплом об окончании ЛГУ, я снялся с комсомольского учёта, а поступив в аспирантуру в том же ЛГУ, на учёт не встал, хотя до истечения комсомольского возраста мне оставалось ещё два года. Почему-то этого никто даже и не заметил, видимо, из-за отсутствия у меня на старших курсах даже всякой видимости комсомольской активности.

— Конечно, сейчас мне трудно вспомнить всё, что обсуждалось в то время, чётко отделить от мыслей и представлений, появившихся позднее. Не всё, быть может, шло в наших дискуссиях так гладко, как я написал. Но и споров особых, жарких дебатов, как в экспедиции, например, не было, так как взгляды наши к этому времени были уже достаточно близки. В наших беседах лишь укреплялся логическими мотивировками, достраивался тот идеологический стержень, общий в мировоззрении каждого из нас, который у Славы, Димы и меня начал создаваться четыре года назад, в экспедиции 1963 года.

— Пусть наши выводы не были слишком оригинальными: не мы же одни ратовали за демократию, и, конечно, мы слышали о существовании технократических философских концепций на Западе, хотя и не были толком знакомы хотя бы с одной из них. Наши взгляды не были вычитаны где-нибудь или услышаны от кого-нибудь. Встречая сходные мысли у других, у Померанцева, например, утверждавшего, "что роль передового класса перешла к слою работников умственного труда", мы только укреплялись в убеждении о своей правоте и радовались тому, что не мы одни так думаем. Не из стремления к оригинальности строили мы свою концепцию, мы хотели понять, объяснить прежде всего себе, а потом и другим (если другие захотят нас слушать) явления в окружающем мире...

(продолжение следует)